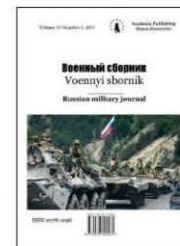


ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.



Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94

The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization *

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Michal Šmigel'

³ Vladimir G. Ivantsov

⁴ Aleksandr A. Ryabtsev

⁵ Violetta S. Molchanova

¹ Sochi State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor

² Matej Bel University, Slovakia
Dr. (History), Professor

³ Sochi State University, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

⁴ Sochi State University, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

⁵ Sochi State University, Russian Federation
PhD student

Abstract. The article uses archival documents found in regional and local archives to examine the internal organisation of Russian forts during the Caucasus War. The authors have also analysed Russian and international historiography on this issue. The article focuses on safety rules, behaviour as well as leisure activities within fortifications.

Keywords: fort; Caucasus War; internal organization; Russian army.

Введение. Тема истории Кавказской войны представляет собой значительную эпоху, которая включает в себя многочисленные эпизоды. В данной статье нам хотелось бы уделить внимание проблемам внутреннего распорядка в русской крепости в первой половине XIX века. За пример нами была взята одна из крепостей Черноморской береговой линии, а именно крепость Александрия (позднее переименованная в Навагинскую).

Материалы и методы. Статья подготовлена на архивных документах, часть из которых вводится в научный оборот впервые. При написании работы использовался принцип историзма и системности. Важное значение имеют ситуационный и историко-описательный методы.

Обсуждение. Историография по теме исследования не многочисленна, так проблемы внутреннего распорядка в крепостях были лишь небольшой частью деятельности комбатанта на войне. Тем не менее эти эпизоды нашли отражения в работах таких авторов как: Е.В. Новиков, В.Б. Каратаев, О.В. Натолочная,

* Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)».

В.И. Меньковский, А.А. Черкасов и др. [1-14] Среди зарубежных авторов, в работах которых имеются упоминания о жизни в крепостях, можно отметить: Аниту Бурдетт, Мухамеда Бега, Аула Юлана, Дибир Бахомедова, Моше Гаммер, Томоюки Ханада и др. [15-20]

Результаты. Командование фортом осуществлял его командир, воинский чин которого в разное время был не ниже лейтенанта и до подполковника включительно.

В форте Александрия, позднее переименованном в Навагинский, существовал следующий распорядок. Утром и вечером гарнизон форта собирался на плацу, для переключки и расчета. Причем эта процедура происходила для пехоты по фронтам, ими занимаемым, а для артиллеристов – по орудиям. Ввиду того, что фронты были неодинаковы по протяженности и значимости, например, атак с моря практически ждать не приходилось, то гарнизон по установленному генералом Симборским правилом делили следующим образом: 1/5 часть сразу же направляли в резерв укрепления, а 25 чел. – на охрану блокгауза; оставшихся делили на семь частей, по две части направляли на три длинных фронта, а одну – на морской фронт. Например, если гарнизон насчитывал 350 пехотинцев, для резерва сразу же выделялось 70 чел., для блокгауза – 25, на каждый из трех длинных фронта по 72, а на морской – 39, что составит на 4 фронта 255 чел., всего 350 [21].

Крепостной резерв всегда находился посередине укрепления на тот случай, если обстоятельства потребуют усилить оборону какого-либо из фронтов. Гарнизон размещался по всем оборонительным линиям только тогда, если укрепление атаковалось одновременно со всех четырех сторон. В противном случае части, назначенные для обороны крепостных брустверов и не атакуемые противником, присоединялись к резервам и ждали своего часа. Охрана блокгауза ночью и во время нападения неизменно составляла 25 чел., днем численность охраны могла уменьшаться до 10 солдат под командованием одного унтер-офицера.

Главное вооружение форта составляла артиллерия, она располагалась следующим образом: на бастионном фронте, направленном к горам, имелось, в 1-м бастионе единорог, батарейная пушка и легкая пушка, во 2-м бастионе 2 единорога; константиновский фронт был оснащен легкой пушкой и единорогом; морской фронт прикрывался тур-бастионом при 2 единорогах; на сочинском фронте размещался один бастион, на вооружении которого состояли батарейная пушка и единорог [22].

Помимо этого два единорога состояли в резерве для подкрепления фронта атакуемого противником.

Во время атаки пехота располагалась вдоль всего фронта, солдаты выстраивались в две шеренги около орудий. Делалось это для того, чтобы передний стрелок, произведя выстрел с банкета, отходил назад для заряжения ружья и уступал место второму стрелку. Этим достигалась скорострельность и сокращались потери.

В случае обстрелов неприятеля с дальнего расстояния, а также с закрытых мест (оврагов, ям) артиллеристы открывали огонь гранатами и соответственно пехоту на фронтах практически не использовали. Во время штурмов форта значительными силами горцев к участию в отражении привлекалась вся артиллерия, имеющая направление на участок атаки. Причем стрельба велась преимущественно по толпе противника начиная с расстояния 250 саженей дальней картечью, а потом при приближении противника ближней картечью и из ружей.

Один только раз горцам удалось перейти крепостной ров и подняться на бруствер, но скоординированными действиями гарнизона горцы были встречены штыками и отброшены.

Значительное внимание уделялось созданию ночных секретов, которые должны были заблаговременно поднять тревогу в крепости во время ночного нападения. Чтобы уберечь людей от ненастья, а также от случаев, когда солдаты секрета не успевали отойти в лагерь, из-за близости противника в секретах стали использовать специально обученных собак.

К внешней защите форта относился ров, однако его не заполняли водой, боясь разрушения крепостного бруствера при подъеме уровня воды в реке Соча-Пста. Сообщение с крепостью производилось через мост, который вечером разбирался и уносился во внутрь. Ворота крепости запирались на ключ, которые в течение ночи находились у начальника

форта. Открывать ворота и собирать ночью мост категорически запрещалось. Мост монтировался только утром. При появлении неприятеля мост разбирался, а ворота запирались [23].

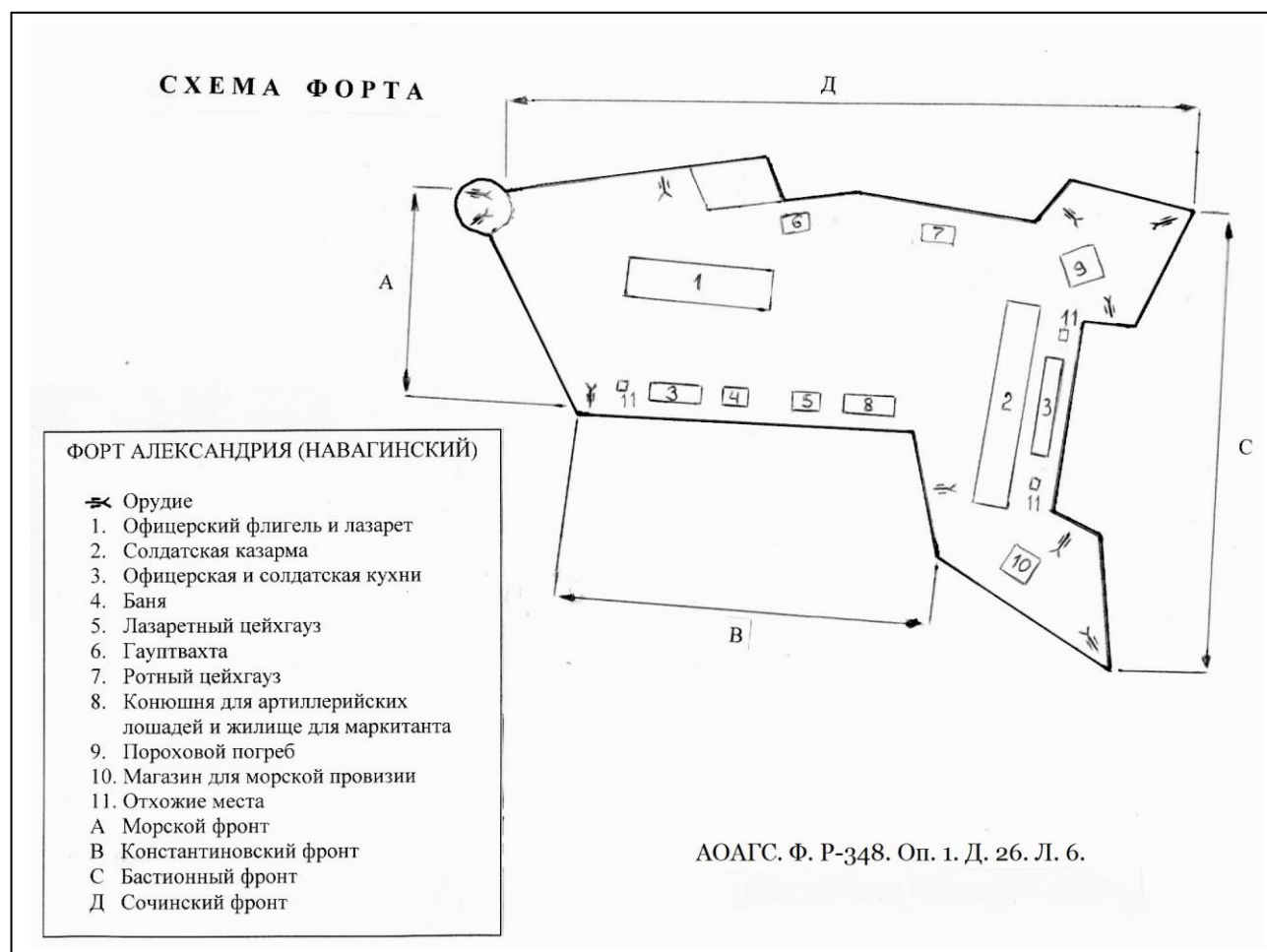
Боевое охранение крепости находилось на всех угловых позициях фронтов, а также на специально сооруженной вышке у дома воинского начальника. Охранение было предназначено для заблаговременного обнаружения опасности.

Таким образом, в плане обороны форт Александрия представлял для горцев серьезный узел сопротивления, крепость вполне могла не только противостоять объединенным силам горцев, но и выдержать продолжительную осаду европейского войска.

В оперативном отношении командир форта Александрия подчинялся непосредственно командующему 1-го отделения Черноморской береговой линии, только с ним он мог решать вопросы о дополнительном обеспечении форта людьми и продовольствием и др.

Командир форта был обязан следить за тем, чтобы личный состав совершенствовал военное мастерство. Для этого отводились определенные дни и часы. Во время тренировок военнослужащие, руководствуясь пехотным уставом, выполняли упражнения с оружием, включая тренировочную прицельную стрельбу.

Повышенное внимание в крепости уделялось артиллерии и всему, что к ней относилось. Это и не мудрено, так как в форте находилось значительное количество гранат, ядер, а также пороха, в случае детонации арсенала форт практически был бы стерт с лица земли. Для уменьшения концентрации взрывчатых веществ порох хранился не в одном, а в нескольких пороховых погребах. Артиллерийское имущество, а именно заряды, патроны, порох, всячески оберегали от огня и сырости. Для борьбы с сыростью в хорошую погоду открывали двери и окна погребов, чтобы сухой воздух мог свободно проникать внутрь. Во время такой просушки особенно осторожно обращались с огнем.



Пороховые погреба и арсеналы охранялись часовыми, которым запрещалось подходить к пороховым погребам, а тем более входить в них без соответствующего приказа командира форта, данного ефрейтору через дежурного по укреплению офицера [24].

Манипуляции с приготовлением или переделкой боевых зарядов производились вне крепости. Для этого специально выставлялось наружное прикрытие и разбивалась лабораторная палатка.

На каждое орудие в крепости постоянно имелось по два комплекта зарядов. Часть из них помещалась в зарядных ящиках и передках, находящихся при орудиях, а остальные лежали на стеллажах в пороховых погребках. Там же находились порох в бочонках, боевые патроны, палительные свечи, скорострельные и запасные гранатные трубки.

Убранство в пороховых погребках исключало возможность проникновения огня. Под бочонками с порохом, на стеллажах, под снарядами и на полу в погребках в два ряда лежали циновки, сверх того был предусмотрен войлок. Снаряженные гранаты, брендскугли, светлые ядра, картечь в жестянках лежали в особых ящиках и были проложены паклей. Во время опасности и тренировок артиллеристы выносили ящики крайне осторожно, чтобы ударом одного снаряда о другой не произвести искры и взрыва.

Другое артиллерийское и стрелковое имущество, а именно фитили, армяки, армяжные мешки, стеклядь, пули, кремни, паклю, шпигли, густую смолу хранили либо в погребках, либо в хорошо устроенном сарае или цейхгаузе. Притом армяк и армяжные мешки хранились в закупоренных сухих бочонках с целью защиты от моли и проветривались в ясную погоду.

Ядра, подверженные ржавчине, выжигали в кострах, после чего варили в масле и складывали в пирамиды около погребов.

За все артиллерийское имущество нес ответственность артиллерийский офицер, обязанный наблюдать за сохранностью и пригодностью боеприпасов, особенно снаряженных гранат. Заметив малейшую в них неисправность (например, обсохшие трубки, повредившие ее пластырь и стапин), он обязан был немедленно переделывать гранаты в лабораторной палатке [25].

Правильность зарядов проверялась пушечным пропуском их сквозь медный цилиндр, а в единорогах – сквозь проемы.

При входе в погреба офицеры поверх обуви обязательно надевали войлочные или суконные валенки, а нижние чины разувались и подвергались осмотру, на предмет наличия у них курительных трубок, огнив или других вещей, могущих произвести взрыв.

Обучение орудийной прислуги происходило ежедневно, офицер с соблюдением всех правил безопасности обучал прицельной стрельбе, обращению с орудием, учил развивать глазомер.

Число прислуги при каждом орудии составляло по нормативам пять и более человек, но не всегда этот норматив соблюдался, особенно в период эпидемий [26].

Артиллерийский офицер помимо всего прочего должен был знать расстояние до всех пунктов вне укрепления на один пушечный выстрел, с которых неприятель мог предпринять наступательные действия. Знание их позволяло офицеру немедленно придать орудиям должное возвышение для произведения цельной или рикошетной стрельбы, а также для действия дальней и ближней картечью.

Не менее важной для обороны укрепления, окруженного оврагами и холмами, была искусная навесная стрельба из мортир и единорогов.

Известно, что полный заряд, употребляемый в единороге под гранату, бросал снаряд на расстояние в 500 сажень и более, при этом граната, падая, не оставалась на месте, а продолжала рикошетировать и улетала дальше. Это действие гранаты не могло заменить навесную стрельбу, главное условие которой заключается в том, чтобы граната, упав в закрытое место, осталась в нем и разрывом своим причинила вред находящемуся там неприятелю.

Для достижения этого артиллеристы уменьшали количество пороха в заряде под гранату и давали единорогу самое большое возвышение. Опыты, проводимые в Александрии, показали, что из 1/2-пудового единорога заряды в 90 золотников, а из 1/4

пудового в 70 золотняков бросали гранату навесно на 500 сажень и последняя разрывалась, не производя рикошета [27].

Все эти моменты артиллерийский офицер обязан был учитывать и при изготовлении зарядов, предназначенных для конкретного пункта бомбардировки. Уменьшенные заряды имели пришитые ярлыки с надписью веса пороха и расстояния, на которое заряд бросает гранату.

Уменьшенные заряды посылались в камору орудия отдельно от обычных зарядов особым пробойником или щеткой банника, с осторожностью, чтобы по незначительности своей они не могли повернуться и остановиться, не дойдя до дна каморы.

При появлении горцев в поле из батарейных орудий стреляли гранатами и ядрами не далее как на расстояние 500 сажень, картечью – 250; из легких – гранатами и ядрами не далее 450, картечью – 200 сажень [28].

Из орудий стрелять по одному человеку запрещалось, так как шанс попасть был минимальным. Кроме того, артиллеристам надлежало помнить, что верное прицеливание и благоразумное расходование зарядов – неременная обязанность артиллериста.

Всякое упущение со стороны артиллерийских офицеров, заведующих артиллерией и парком в сохранении от порчи орудий с их лафетами и ящиками, зарядами, припасами, материалами и пр. строго наказывалось.

Хождение через бруствер в крепости строго запрещалось, потому, что от ходьбы прокладывались дорожки, которыми могли воспользоваться горцы при штурме, то есть терялась обороноспособность всей крепости.

За состоянием фортификационных сооружений крепости наблюдала рабочая команда численностью от 20 до 30 чел. под руководством офицера. Эта команда была обязана ежедневно обходить укрепление и осматривать его на предмет обнаружения трещин, промоин и других деформаций укрепления, особенно после ливневых дождей. В распоряжение рабочей команды был выделен практически весь инвентарь лопат, кирок и топоров, принадлежащих гарнизону [29].

В казарменных строениях строго воспрещалось делать какие-либо перестройки и прорубать стены, не испросив предварительно разрешения командования Черноморской береговой линии.

Офицерский флигель, лазаретный дом и солдатская казарма в укреплении были построены на каменном фундаменте, выложенном на глине. Ввиду этого ни рабочая команда, ни крепостное командование не должны были забывать, что во время проливных дождей фундамент мог повредиться, если будет стоять вода. Для этого требовалось наблюдать, чтобы земля около стен была несколько возвышена и имела скат наружу для стока воды.

В крепости практически всегда был образцовый порядок [30], за счет этого гарнизон крепости и мог выжить. Поэтому вопросам чистоты и порядка всегда уделялось особенно пристальное внимание.

Для наблюдения за порядком и чистотой в крепости назначалась особая команда численностью до 20 чел. под управлением одного офицера [31]. Офицер следил за исправным очищением отхожих мест, все нечистоты из которых в ящиках ежедневно по утрам сбрасывались в море.

Эта же команда еженедельно очищала от сажи печные трубы, а на случай пожара имела достаточное количество воды в обрезках, а также содержала в исправности багры, лестницы, топоры и вообще пожарный инструмент. Несколько ответственных людей из этой команды составляли особое отделение, называемое трубным, которое следило за состоянием чердаков каждого жилого строения, за отсутствием в трубах щелей или других повреждений и докладывало об этом командиру форта.

Чины этой команды наблюдали также за тем, чтобы вблизи пороховых погребов и других хранилищ боеприпасов военнослужащие не ходили с огнем, не раскладывали его под котлами, а также стремились по возможности дальше убрать при строительстве от этих мест кухни, кузницы и т.д. За это же были ответственны и часовые по крепости, находящиеся на вышке, крепостном валу и внутри укрепления. Разжигать костер внутри укрепления было

нежелательно, это предусматривалось делать на берегу моря или реки вдали от стогов сена, хранить которое в крепости запрещалось.

Вне зданий курить трубки, носить огонь без фонаря, головни и зажженные лучины строжайше воспрещалось. Еще большая осторожность должна была соблюдаться на чердаках строений.

На крепостном валу было запрещено делать постройки, насыпи и рыть ямы, так как этим могли воспользоваться при атаке горцы. Рельеф местности по возможности выравнивала рабочая команда, уничтожая все, что могло быть использовано для горцев как защита. Помимо этого дно рва устилалось досками с вбитыми гвоздями и нередко были случаи, когда благодаря этому удавалось поймать горцев. Так, в мае 1851 г. убух Татлыстан Чирик, укравший в форте у купца ружье, бросился бежать через ров в лес, но наскочил на гвозди, поранился, был задержан и посажен под арест [32].

Командир форта заботился и о том, чтобы поблизости укрепления нигде не было стоячей воды, которая, загнивая во время жары, порождала самые опасные инфекционные болезни.

Укрепление имело и свое кладбище. Погребение тел умерших осуществлялось на специально отведенном месте на расстоянии не ближе 250 сажень от укрепления. Хоронить необходимо было исключительно в грунте глинистом или черноземе, а не в песчаном, вырывая могилы не менее одной сажени глубиной. За соблюдением этого офицеру по полицейской части предписано было вести строгий надзор [33].

В повседневный пищевой рацион личного состава гарнизона в обязательном порядке входили щи из капусты, свеклы или зеленой крапивы, заправленные черемшой или чесноком. Один раз в неделю готовился мясной борщ приправленный перцем. Два раз в неделю каждому солдату выдавали по 200 граммов сала. В постные дни из рациона исключались масло, мясо и добавлялись лук, каша. По праздникам личный состав по желанию получал некоторое количество водки, настоянной на перце [34].

Питьевой водой гарнизон обеспечивался за счет вырытых еще при генерале Симборском колодцев. Колодцы по вечерам закрывались крышками и запирались на замок, чтобы неприятель не мог в ночное время отравить в них воду. Помимо этого, колодцы периодически очищали от накапливаемого ила, как правило, два раза в год.

В гарнизоне действовали и другие правила. Так, часовых к пороховым погребам, хлебным сараям и другим складам большей или меньшей важности предусматривалось назначать из людей благонадежных, притом порох охраняли артиллеристы.

Без разрешения командующего Черноморской береговой линии или командира 2-го отделения командир форта не имел права ни под каким предлогом оставлять укрепление [35].

Действовали правила и о больных. Если их число в гарнизоне доходило до 40 чел., то часть их с первым отходящим судном отправляли в госпиталь для лечения.

Все казенные и другие бумаги, проходящие по штабу укрепления, надлежало отсылать с военными судами, приходящими на рейд. Разрешалось вступать в сношение с купцами, прибывающими сюда из российских портов, однако строжайше запрещалось вести дела с иностранцами, приходящими из-за границы и не имеющими письменного вида на карантинное и таможенное очищение.

Вся информация о планах горцев против форта, а также против других крепостей Черноморской береговой линии должна была незамедлительно доноситься непосредственному командованию [36].

Для предохранения от инфекционных болезней надлежало иметь осторожность при взаимоотношениях с горцами и племенами, у них обитающими. С горцами предписывалось быть осмотрительными и на причины, по которым они будут искать сближения с гарнизоном, не слишком полагаться.

В случае же убеждения в искреннем желании горцев войти с гарнизоном в сношение начальник форта обязан был всячески уверить их в благом намерении правительства. Из числа благонадежных горцев требовалось найти людей, полностью преданных России, и об оказанных ими услугах гарнизону доводить до сведения высшего начальника для щедрого поощрения. Поощрением, как правило, были серебряные рубли, хотя известны

случаи награждения горцев золотыми медалями «За храбрость» и даже офицерскими воинскими чинами.

Несколько слов следует сказать и о досуге гарнизона. Свободное от службы время можно было посвятить чтению, так как в форте имелась библиотека, располагающая значительным по тем временам фондом – к 1 января 1854 г. в нем насчитывалось 392 единицы хранения [37].

Что же читали в форте Навагинском? Достаточно серьезно были представлены журналы, а именно: Военный журнал (подшивка с 1828 по 1850 гг.), Военно-энциклопедический лексикон (с 1837 по 1848 гг.), Артиллерийский журнал (1839–1852 гг.), Инженерные записки (1826–1852 гг.). Из другой военной литературы библиотека имела воинские уставы. Неплохо была представлена художественная литература, в частности, сочинениями А.С. Пушкина и др. Имелись исторические работы, например, 12-томная «История государства Российского» Карамзина, «История Русской церкви», «Отечественные записки» с 44-го по 74-й тома. Разумеется, присутствовала в библиотеке и разнообразная религиозная литература [38].

Помимо чтения для нижних чинов в форте устраивались спортивные соревнования по борьбе, прыжкам, игре в мяч и т.д. Особо поощрялось музыкальное творчество – игра на балалайке, скрипке и других музыкальных инструментах.

В хорошую погоду устраивались соревнования по плаванию на азовских баркасах и многое другое [39].

Выводы. Подводя итоги хочется отметить, что первые два года в форте (как и во всех фортах Черноморской береговой линии) полностью отсутствовали женщины, это обстоятельство отрицательно сказывалось на солдатских массах, и в 1840 г. генерал Раевский распорядился селить в крепостях солдаток, которые бы занимались сельским хозяйством или хозработами на обслуживании гарнизона.

Таким образом, спортивные соревнования, самодеятельность, а также наличие женщин скрашивали суровую армейскую жизнь не только солдат, но и офицеров русской армии.

Примечания:

1. Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3-7.
2. Натолочная О.В. Оборонительное строительство на территории города Сочи в средневековый период: общее и особенное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Часть 3. С. 123-125.
3. Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 10–12.
4. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Взгляд в эпоху: десантные операции адмирала Лазарева // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 33-35.
5. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 3. С. 23–26.
6. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Форт Головинский: от десантной операции до создания укрепления (1839 г.) // Вестник СГУТиКД. 2008. № 1-2 (3-4). С. 177-181.
7. Новиков Е.В. Горцы на русской службе // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 4–20.
8. Черкасова И.Ю. Военно-историческая антропология: повседневная жизнь в крепостях Черноморской береговой линии (1837–1854 гг.) // История и историки в контексте времени. 2007. № 5. С. 25–34.
9. Черкасов А.А. Десантная операция в устье реки Соча-Пста (13 апреля 1838 г.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 1. С.10-16.
10. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Psychological portrait of a soldier on the Black sea coast: lower ranks // European researcher. 2010. № 1. P. 27–30.
11. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): Black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152–157.

12. Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
13. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). P. 1032–1054.
14. Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И., Тараканов В.В., Навроцкий А.В. По Высочайшему повелению (материалы следственного дела о краже мин в форте Навагинском Черноморской береговой линии. 1851 г.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27). С. 5-15.
15. Anita L.P. Burdett. Caucasian Boundaries. Documents and Maps. 1802-1946 // London: Archive editions, 1996.
16. Mohammed Beg Hadjetlache. Aul Yulan. An episode of the Caucasian war // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985. Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 47-49.
17. Dibir M Mahomedov. On the social aims and spiritual ideals of the Mountaineers during the Caucasian War // Central Asian Survey Volume 21, Issue 3, 2002, pp. 245-248.
18. Moshe Gammer. Vorontsov's 1845 expedition against Shamil: A British report // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985, Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 13-33.
19. Moshe Gammer. The Nicolaÿ-Shamil negotiations, 1855–1856: A forgotten page of Caucasian history // Central Asian Survey Volume 11, Issue 2, 1992, pp. 43-70.
20. Tomoyuki Hanada. The Russian Empire's Colonial Administration and Decolonization Wars in the Caucasus during the first half of the Nineteenth Century <http://www.eceme.ensino.eb.br/cihm/Arquivos/PDF%20Files/32.pdf>
21. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
22. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.
23. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
24. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.
25. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
26. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
27. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
28. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
29. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.
30. Если не считать событий весны 1851 г.
31. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
32. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
33. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
34. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 41.
35. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
36. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
37. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
38. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
39. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.

References:

1. Cherkasov A.A. Sochi v voynakh: istoriko-statisticheskoe issledovanie // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S. 3-7.
2. Natolochnaya O.V. Oboronitel'noe stroitel'stvo na territorii goroda Sochi v srednevekovyi period: obshchee i osobennoe // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 4 (10). Chast' 3. S. 123-125.
3. Urushadze A.T. Imamat Shamilya i tanzimat Osmanskoi imperii – dva tipa modernizatsii // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2010. № 4. S. 10–12.
4. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Vzgl'yad v epokhu: desantnye operatsii admirala Lazareva // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S. 33-35.
5. Karataev V.B., Cherkasov A.A. K 170-letiyu Adlera: sozdanie ukrepleniya Sv. Dukha // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2007. № 3. S. 23–26.
6. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Fort Golovinskii: ot desantnoi operatsii do sozdaniya ukrepleniya (1839 g.) // Vestnik SGUTiKD. 2008. № 1-2 (3-4). S. 177-181.

7. Novikov E.V. Gortsy na russkoi sluzhbe // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. S. 4–20.
8. Cherkasova I.Yu. Voенно-istoricheskaya antropologiya: povsednevnyaya zhizn' v krepostyakh Chernomorskoй beregovoi linii (1837–1854 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2007. № 5. S. 25–34.
9. Cherkasov A.A. Desantnaya operatsiya v ust'e reki Socha-Psta (13 aprelya 1838 g.) // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2011. № 1. S.10-16.
10. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Psychological portrait of a soldier on the Black sea coast: lower ranks // European researcher. 2010. № 1. R. 27–30.
11. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): Black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152–157.
12. Zaitsev A.M. A.P. Ermolov: voennyi i politik // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010. № 7. S. 23–35.
13. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). R. 1032–1054.
14. Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Men'kovskii V.I., Tarakanov V.V., Navrotskii A.V. Po Vysochaishemu poveleniyu (materialy sledstvennogo dela o krazhe min v forte Navaginskom Chernomorskoй beregovoi linii. 1851 g.) // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2013. № 1 (27). S. 5-15.
15. Anita L.P. Burdett. Caucasian Boundaries. Documents and Maps. 1802-1946 // London: Archive editions, 1996.
16. Mohammed Beg Hadjetlache. Aul Yulan. An episode of the Caucasian war // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985. Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 47-49.
17. Dibir M Mahomedov. On the social aims and spiritual ideals of the Mountaineers during the Caucasian War // Central Asian Survey Volume 21, Issue 3, 2002, pp. 245-248.
18. Moshe Gammer. Vorontsov's 1845 expedition against Shamil: A British report // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985, Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 13-33.
19. Moshe Gammer. The Nicolaÿ-Shamil negotiations, 1855–1856: A forgotten page of Caucasian history // Central Asian Survey Volume 11, Issue 2, 1992, pp. 43-70.
20. Tomoyuki Hanada. The Russian Empire's Colonial Administration and Decolonization Wars in the Caucasus during the first half of the Nineteenth Century <http://www.eceme.ensino.eb.br/cihm/Arquivos/PDF%20Files/32.pdf>
21. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 69.
22. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 81.
23. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 69.
24. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 73.
25. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 74.
26. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 74.
27. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 75.
28. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 75.
29. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 76.
30. Esli ne schitat' sobytii vesny 1851 g.
31. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 77.
32. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 38. L. 4.
33. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 79.
34. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 13. L. 41.
35. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 79.
36. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 80.
37. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 260. Op. 1. D. 1748. L. 27–34.
38. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1748. L. 27–34.
39. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 13. L. 42.

УДК 94

**Русская крепость (первая половина XIX в.):
внутренний распорядок**

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Михал Шмигель

³ Владимир Гаврилович Иванцов

⁴ Александр Александрович Рябцев

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

² Университет Матея Бела, Словакия

Доктор истории, профессор

³ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

⁴ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Кандидат экономических наук, доцент

⁵ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аспирант

Аннотация. В статье на основе архивных документов региональных и местных архивохранилищ рассматривается внутренний распорядок в русской крепости периода Кавказской войны. Авторским коллективом была проанализирована российская и зарубежная историография по теме исследования. Уделено внимание правилам безопасности, поведения, а также досугу в крепостных сооружениях.

Ключевые слова: крепость; Кавказская война; внутренний распорядок; русская армия.